

Научная статья

УДК 343.01

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-179-186>

Понятие категории «ответственность» в уголовном и уголовно-исполнительном праве

Алексей Александрович Кузнецов, кандидат юридических наук, доцент

Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
Сочи (354000, Краснодарский край, ул. Дагомысская, д. 42), Российская Федерация

omsklaw07@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-7894-338X>

Аннотация:

Введение. Современная уголовно-правовая доктрина представляет собой довольно изолированную систему знаний относительно четко обозначенного блока проблем, находящихся либо строго в пределах сферы действия уголовного законодательства, либо на стыке с другими отраслями права, в частности, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным. Отсюда, несмотря на более чем тысячелетнюю историю своего развития, многие категории уголовного права не выходят за пределы его содержания, хотя изначально содержат серьезный межотраслевой потенциал. Ответственность – одна из таких категорий, способность которой пронизывать несколько сфер правового регулирования не вызывает каких-либо сомнений.

Методы. Для достижения целей исследования применялись различные научные методы: материалистическая диалектика как универсальный метод познания, общенаучные методы познания (системно-структурный, анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический метод в сочетании с герменевтическим, а также частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, метод правового моделирования и экстраполяции, опросы и анкетирование, как разновидность социологического метода.

Результаты. Выстраивание единого механизма государственного принуждения без его искусственного деления возможно именно за счет тех возможностей, которые заложены в самой идее государственного насилия над теми, кто допускает возможность общественно опасного поведения. В отличие от объединенного Запада и той концепции, которая была в нем заложена уже довольно давно, а сейчас реализуется лишь на новом уровне, в российской доктрине, законодательстве и, соответственно в общественном сознании доминируют несколько иные идеи к заявленной проблеме. Во многом, в том числе и исторически, это проявляется именно через отношение общества к ответственности, наказанию, репрессии, каре, отдельно – смертной казни, насилию в целом и воле власти в отношении того, кто совершил преступление. От этого система принуждения до сих пор не является выстроенной, а ее дифференциация носит излишне детализированный характер, будучи разделенной на несколько отраслевых направлений, каждое из которых зачастую практически изолировано друг от друга. Ответственность представляется той категорией, которая способна их объединить, позволив вести речь об уголовно-правовом принуждении в целом.

Ключевые слова:

ответственность, уголовное право, уголовно-исполнительное право, государственное принуждение, уголовно-правовое воздействие

Для цитирования:

Кузнецов А. А. Понятие категории «ответственность» в уголовном и уголовно-исполнительном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 179–186. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-179-186>.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025;
одобрена после рецензирования 10.06.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

The concept of the category of “responsibility” in criminal and penal law

Alexey A Kuznetsov, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice

42. Dagomysskaya str., Sochi, Krasnodar Krai, 354000, Russian Federation

omsklaw07@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-7894-338X>

© Кузнецов А. А., 2025

Abstract:

Introduction. Modern criminal law doctrine is a rather isolated system of knowledge regarding a clearly defined block of problems that are either strictly within the scope of criminal law or at the interface with other branches of law, in particular, criminal procedure and penal enforcement. Despite more than a thousand years of its development, many categories of criminal law do not go beyond its content, although they initially contain serious inter-branch potential. Responsibility is one of such categories, the ability of which to permeate several spheres of legal regulation is beyond any doubt.

Methods. To achieve the objectives of the study, various scientific methods were used: materialist dialectics as a universal method of cognition, general scientific methods of cognition (system-structural, analysis, synthesis, induction, deduction), historical method in combination with hermeneutic, as well as private scientific methods, such as comparative-legal, method of legal modelling and extrapolation, surveys and questionnaires as a kind of sociological method.

Results. The development of a unified mechanism of state coercion without its artificial division is possible precisely due to the possibilities inherent in the very idea of state violence against those who allow the possibility of socially dangerous behaviour. In contrast to the united West and the concept that was laid down in it quite a long time ago, and now it is implemented only at a new level, in the Russian doctrine, legislation and, accordingly, in the public consciousness dominate slightly different ideas to the stated problem. In many aspects, including historically, it is manifested through the attitude of society to responsibility, punishment, repression, retribution, and especially the death penalty, violence in general and the will of the authorities in relation to the one who committed the offence. As a result, the system of coercion is still not aligned, and its differentiation is excessively detailed, being divided into several sectoral areas, each of which is often practically isolated from each other. Responsibility is the category that can unite them, making it possible to talk about criminal-legal coercion as a whole.

Keywords:

responsibility, criminal law, penal law, criminal-executive law, state coercion, criminal-legal impact

For citation:

Kuznetsov A. A. The concept of the category of "responsibility" in criminal and penal law // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 2 (106). P. 179–186. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-179-186>.

The article was submitted April 8, 2025;
approved after reviewing June 10, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Как это ни парадоксально, но сегодня уголовное и уголовно-исполнительное право не объединены между собой такой категорией, как ответственность. Сложность ситуации лежит далеко за пределами сугубо теоретических рассуждений и исключительно методологических проблем. Скорее речь необходимо вести о доминировании вопросов практического плана, т. к. факт назначения наказания в рамках уголовно-правовых отношений должен иметь непосредственную связь с фактом его реализации в уголовно-исполнительной сфере. Ответственность в широком ее понимании не может быть лишь уголовной или уголовно-исполнительной. По сути это единая категория, содержание которой должно охватывать весь объем воздействия на лицо, признанное судом виновным в совершении преступления. Между тем для этого требуется как минимум формулирование ее общего понятия, а точнее, формирование общего представления об ответственности в целом в уголовно-правовой сфере регулирования общественных отношений. К сожалению, работа в данном направлении в отечественной уголовно-правовой доктрине практически не ведется, а все фундаментальные наработки в этой части в основном относятся к 60–80-м годам прошлого столетия.

В связи с этим мы наблюдаем сегодня ситуацию, в которой, с одной стороны, уже были проведены серьезные исследования заявленной проблемы, с другой – их предел уже давно пройден. В новых современных условиях с учетом принципиально иной объективной реальности также требуются и новые знания, способные не просто объяснить происходящие процессы, но и дать правильное направление их развития. Более того, обращаясь к исследованиям прошлого столетия, нельзя не отметить их догматизм, давление которого сегодня не просто преодолено, а продолжает оставаться, представляя ранее сформулированные знания как единственно возможные и, соответственно, доминирующие на всех уровнях применения полученных ранее достижений. Преодоление, выход за те стереотипы, которые сегодня кажутся незыблемыми, представляется первоочередной задачей, которая должна быть решена в ходе исследования настоящей проблемы.

Во многом это обусловлено тем, что с начала нынешнего века, а особенно в последнее десятилетие, российское общество стало стремительно меняться. Это мировой процесс, а мы в нем лишь та часть, которая в силу значительного числа объективных и субъективных факторов вступила на путь таких изменений чуть позже, чем коллективный Запад. И тем не менее такие изменения идут достаточно активно. Идеи постмодерна, постпостмодерна, нового постиндустриального общества и даже постчеловека дошли и до российской реальности, изменив не просто правила поведения, а глубоко трансформировав самого человека, его систему ценностей, духовный мир, ментальность. Вполне естественно, что в таких условиях сложно требо-

вать эффективного результата от наработок прошлого столетия, основу которых составляли знания еще более раннего периода. Механизм функционирования общественных отношений, не говоря уже о механизме реализации государственного принуждения, неизбежно менялся, подстраиваясь под новые идеи, которые в той или иной мере и проявлениях начали доминировать в современной реальности.

Методы

При проведении исследования автором использовались общенаучные методы познания (системно-структурный, анализ, синтез, индукция, дедукция), позволяющие рассмотреть изучаемое нами понятие через призму сущности и содержания ответственности. Применение исторического метода в сочетании с герменевтическим и сравнительно-правовым методами дало возможность рассмотреть сущность категории «ответственность» в смежных отраслях права: уголовном и уголовно-исполнительном. Частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, метод правового моделирования и экстраполяции, социологические методы помогли автору сформулировать выводы о единой природе категории «ответственность» применительно к уголовному и уголовно-исполнительному праву.

Результаты

Наполняемость механизма функционирования общественных отношений сегодня меняется, причем гораздо более стремительно, чем когда-либо. Так, развитие медицины в виде ее генетического направления, биоинженерии, биотехнологий и разработки на их основе все более совершенных технологических императивов указывает на неизбежность появления у государства дополнительных возможностей по контролю за осужденными к отбыванию любого из видов наказаний. В целом технологические императивы начинают занимать все больше места в жизни человека, оказывая соответствующее влияние в т. ч. и на сферу приложения ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве¹. И здесь новые технологии начинают вторгаться практически в незыблемую сферу, в ту, которая считалась вечной, разработанной и давно закрытой для исследователей. В этом отношении такие относительно новые явления, как контроль, уже сейчас составляет и особенно в дальнейшем будет составлять основу той части ответственности (ее этапа), которая характерна для собственно реализации (исполнения) [1, с. 171]. И это – суть одного из этапов, а не сущность ответственности как правовой категории в целом. Ее сущность способна охватывать любой из этапов ее реализации, не указывая при этом на ее трансформацию. Скорее, наоборот: чем дальше идет развитие общественных отношений, тем больше у нас появляется поводов и оснований для утверждений, что и для уголовного, и для уголовно-исполнительного права сущность ответственности одна, и меняется она одновременно. Невозможно представить себе ее трансформацию отдельно в уголовном и самостоятельно в уголовно-исполнительном законодательстве. Все направлено на достижение единого результата, соответственно, любые меры существуют и применяются для его обеспечения, не будучи способными претендовать на некую исключительность.

В связи с этим статична ответственность как правовая категория на данный момент или изменчива, по большому счету не так уж и важно. Важно другое – ее соответствие критериям обеих отраслей, способность их объединить между собой, создать тот монолит правового регулирования, который будет способен генерировать систему средств противодействия преступности, на протяжении всего существования личности преступника, на весь период принудительного воздействия на него (с момента признания виновным), а не только на момент совершения общественно опасного деяния.

Отсюда следует, что в качестве основных элементов, самого «каркаса механизма» уголовной ответственности, вне зависимости от периода его существования, должны выступать:

во-первых, оценка уголовного и уголовно-исполнительного права, как единого правоотношения, основанного на признании лица виновным в совершении преступления и его последующего осуждения (назначения ему установленного Уголовным кодексом Российской Федерации² наказания);

¹ См. об этом более подробно: Бавсун М. В. Технологические императивы как альтернативное средство регулирования общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 10–16. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-10-16>.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

во-вторых, оценка уголовной ответственности с позиции ее пределов с момента вступления обвинительного приговора суда в законную силу (исключив таким образом обеспечительный – уголовно-процессуальный) блок;

в-третьих, объединение всех видов принуждения (в рамках отбывания наказания), применение которых происходит на основе факта преступления, осуждения, отбывания наказания, нарушение правил отбывания наказания и последующего периода претерпевания социальных последствий, порождаемых судимостью;

в-четвертых, наполняемость целевыми установками, которые помимо возмездия за ранее совершенное преступление, должна содержать в себе доминирующую идею, направленную на тотальный контроль над лицом, осужденным за факт совершенного преступного деяния;

в-пятых, обязанность самого виновного-осужденного претерпевать возложенные на него тяготы и лишения, в т. ч. и в рамках того контроля, который следует как в итоге осуждения за преступление, так и особенно в связи с нарушением его условий в процессе отбывания наказания или по итогам его отбывания в течение установленного уголовным законом периода времени.

Наличие перечисленных элементов способно, по крайней мере, обеспечить логику воздействия, из которой не может настолько откровенно выпасть вся стадия реализации ответственности. Особенно это непонятно на фоне того, что традиционно в уголовно-правовой доктрине моментом окончания уголовной ответственности признается момент снятия или погашения судимости³ [2, с. 48], т. е. речь идет о стадии, следующей за наказанием (тяготами и лишениями). Применительно к институту судимости интересную мысль, на наш взгляд, высказывает А. А. Нечепуренко: «Парадокс сложившейся правовой ситуации применительно к институту судимости заключается в том, что, говоря о последствиях судимости, законодатель тем самым не проясняет вопрос о ее содержании» [3, с. 4]. Между тем не меньший парадокс также заключается в том, что традиционно в уголовном праве уголовная ответственность, охватывая собой все правоограничения, сохраняющиеся в рамках судимости, даже при отсутствии самого списка таких правоограничений, не содержит даже примерного перечня тех средств, которые применяются к осужденным, нарушающим условия отбывания наказания, которые почему-то претендуют на роль каких-то особых мер, существующих в рамках еще более особых правоотношений. Согласно общепринятому, но нигде официально не зафиксированному мнению, уголовная ответственность включает в себя тяготы и лишения чуть ли не с момента реализации оперативно-розыскных мер и завершается не менее непонятным, а точнее, максимально абстрактным объемом правоограничений в рамках судимости, но совершенно игнорирует при этом все, что происходит в уголовно-исполнительной сфере, просто придав ей статус особой⁴ [4, с. 148; 5, с. 30].

Между тем ее пребывание в состоянии надрегулирования⁵, вне рамок той или иной сферы, будучи полностью погруженной в отношения службы, профессии, правил режима отбывания наказания (также существенно отличающихся друг от друга), дисциплинарной и административной ответственности и т. д., не позволяет ей в достаточной мере раскрыться в рамках уголовно-правового поля. Узость представления о таковой, к сожалению, не преодолевается традиционным подходом, а, скорее наоборот, лишь усугубляется, тем самым формируя очередную догму, уйти от которой крайне сложно в силу сформировавшихся традиций. Традиций, которые затронули абсолютно все аспекты данного направления, от самой системы до процесса образовательной деятельности, в рамках которого формируются не только требуемые знания, но и соответствующая психология будущих сотрудников исполнения наказаний.

Что характерно, при всей широте такой позиции непосредственно ограничения, которые заложены в ходе реализации уголовно-исполнительных отношений, не составляют ее содержания, также не менее традиционно игнорируясь, хотя в действительности, это как минимум нелогично в силу того, что именно в ходе реализации наказания осуществляются реальные ограничения прав и свобод человека, причем происходит это при установленном факте виновности лица в совершении конкретного преступления. Парадокс ситуации заключается в выраженном

³ См. об этом более подробно: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Бабурин В. В., Баландюк В. Н., Векленко С. В. [и др.] ; под общ. ред. В. В. Векленко. Омск : Омская академия МВД России, 2016. С. 70.

⁴ Ткачевский Ю. М. Уголовная ответственность и ее основания // Советское уголовное право. Общая часть : учебник / Борзенков Г. Н., Дурманов Н. Д., Красиков Ю. А., Кригер Г. А. [и др.] ; под ред. Г. А. Кригера, Б. А. Куринова, Ю. М. Ткачевского. Москва : Издательство Московского университета, 1981. С. 32.

⁵ На самом деле подобного рода надрегулирование представляет собой создание правового вакуума, когда регулирование, с одной стороны, присутствует, а с другой – оно, во-первых, практически полностью отдано на откуп непосредственного исполнителя, а, во-вторых, никак не коррелирует с другими мерами уголовно-правового воздействия. Более того, как раз наоборот, во главу угла ставится их именно особый статус, что уже само по себе сложно вписывается в общее представление об идее законности, представляя собой крайние формы проявления начала целесообразности.

стремлении при определении границы уголовной ответственности по максимуму обойти все, что происходит в уголовно-исполнительной сфере в связи с ее якобы особым статусом. Соответственно, и отношение к тем средствам, которые там используются, не менее особое, что в конечном итоге приводит к полной деградации сам подход к исследованию данной проблемы так же, как и состояние знаний в данном направлении. Отсутствие ответов на элементарные вопросы, возникающие в связи с его воплощением в жизнь, уже давно обращают на себя внимание и требуют их соответствующего теоретического обоснования, что представляется возможным исключительно с позиции наполнения уголовной ответственности иным содержанием.

Не работает в данном случае и достаточно распространенная ссылка на так называемые «тяготы и лишения»⁶ [6, с. 8]. Несмотря на всю широту формулировки, тем не менее нельзя не обратить внимание на то, что, собственно, анализом их содержания толком никто и никогда не занимался, так и оставив в конечном итоге всю уголовно-исполнительную сферу за пределами твердого понимания, каков же именно ее статус и к чему конкретно следует относить те или иные меры, которые применяются в рамках реализации уголовного наказания, но собственно им не являющиеся. Незавершенность теории очевидна даже в ходе преподавания курса уголовного права, когда на вопрос о том, что же все-таки необходимо отнести к тяготам и лишениям помимо наказания, крайне сложно дать сколько-нибудь предметный ответ.

С учетом системы принуждения, выстроенной на Западе, невозможно игнорировать иной, значительно отличающийся опыт подхода к решению данного вопроса (и самого отношения), сформировавшегося в другом обществе. Принуждение в тюрьме, согласно западной концепции, представляет собой не что иное, как апофеоз узаконенного насилия (голого насилия). «Дисциплинарная власть узаконена как технология морального принуждения. В тюрьме заворачивает то, что в ней власть в кои-то веки не прячется и не маскируется, она разоблачает себя как тиранию, отточенную до мельчайших деталей; она цинична, но в то же время безупречна и абсолютно законна в силу того, что практика тюрьмы может быть вписана в дискурс морали. В результате жестокая тирания машины правосудия предстает невозмутимым преобладанием Добра над Злом, порядка над анархией» [7, с. 18]. Ни много ни мало – борьба двух вечных противоположностей представляет всю идею ответственности, где не может быть никаких граней. А государство в данном вопросе лишь демонстрирует свою позицию, всегда действуя, что называется, вторым номером, в конечном итоге узаконивая все, что мешает его нормальному функционированию и классифицируя в зависимости от тяжести допущенного нарушения. Все, на чем на Западе поставлено клеймо – идеология, целесообразность, репрессия, подавление, контроль, как и любые другие проявления жесткости со стороны государства, на самом деле используются значительно более откровенно, чем у нас. Отсутствие иллюзий дает свои результаты. Нет ограничений в выборе средств ответственности, нет ее пределов. Таким образом исключаются «страдания» относительно прав и законных интересов личности, а обеспечение безопасности общества автоматически ставится во главу угла всей деятельности по противодействию преступности.

Демонстрация столь широкой идеи, а по сути, концептуального подхода к любому узаконенному насилию («тяготам и лишениям»), которое составляет неотъемлемую часть каждого наказания вне зависимости от времени и пространства, с неизбежностью влечет за собой соответствующее отношение и к самому насилию. Признание его неизбежности, согласно представленному пониманию, практически полностью исключает его искусственное дробление (а уж тем более взаимоисключение), оставляя место лишь для трансформации с учетом того, что происходит в современном обществе, а также новых технологий контроля над человеком, его здоровьем, психикой и даже процессом репродуктивной деятельности. При учете совершения виновным преступления любое насилие в его отношении приобретает законные основания⁷ [8, с. 7–8], а факт его реализации после вступления в законную силу приговора суда по-прежнему

⁶ Данная позиция характерна, например, для «Омской школы» уголовного права (Марцев А. И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений : учебное пособие. Омск : [б. и.], 1973. с. 23).

⁷ Интересным видится тот факт, что лишь в настоящем столетии заговорили о так называемом чрезвычайном законодательстве. Речь идет о том, что ведется как некое благо и как об одном из способов выйти за пределы законности в силу жизненно важной необходимости. Представляется, что само явление – чрезвычайное законодательство, не что иное, как продукт игры современности в демократию и толерантное общество, не позволявшей длительное время выйти на требуемый уровень жесткости правосудия. Однако события, начиная с последней четверти прошлого века, привели к достаточно своеобразному пересмотру концепции, а точнее, ее корректировке. В самом регулировании ничего не изменилось (как основная часть уже сформированной идеи), а в его надстройке – чрезвычайшине, стало позволяться значительно больше, чем это могло быть позволено на так называемом «базовом уровне». Но опять же, это все продукт современного правового регулирования и неких попыток его трансформации. Для ретроспективы это не актуально, так как государство всегда шло на крайние меры для сохранения самого себя, и никогда это не выходило за пределы правового регулирования. Достаточно для этого вспомнить казнь Дамьена, как апофеоз демонстрации власти государства над человеком (растворение личности во времени и в пространстве).

придает ему лишь форму, наполненную с учетом перечисленных выше факторов несколько трансформированным содержанием. Основной спор традиционно идет лишь вокруг того, что признавать преступным, а что девиантным [9, с. 89, 99], хотя, впрочем, и то и другое требует средств контроля (включая и репрессивного) со стороны государства [10, с. 104]. Следовательно, и вопрос ответственности во многом будет решаться в зависимости от того, что (какие деяния), кто и за что подлежит контролю. Выбор его средств, интенсивности, оперативности и других свойств и качеств – это уже вторичный процесс по отношению к процессу определения девиантности поведения личности преступника (нарушителя).

Все это не может не оказывать соответствующего (что важно – доминирующего) влияния на само понятие ответственности в системе уголовного принуждения как единого явления. Именно понятие всегда отображает суть тех процессов, которые происходят на данном отрезке исторического развития. Отсюда следует, что странным было бы надеяться на способность понятия уголовной ответственности (именно уголовной), сформулированного практически полвека назад, удовлетворять новым потребностям в современном трансформированном времени и пространстве. Речь в данном случае идет не о верности или неверности ранее сформированного подхода и самого определения исследуемой нами категории, а скорее о признании его несоответствия тем процессам, которые происходят сегодня и, что самое главное, их возможной подвижности уже в ближайшем и вполне обозримом будущем.

Это, кстати, немаловажно и с позиций происхождения самой категории «уголовная ответственность», а также хорошо известных знаний, касающихся ее развития в отечественной уголовно-правовой доктрине⁸. Дело в том, что все рассуждения о ней идут чуть более ста лет, с момента ее появления в Основах уголовного судопроизводства СССР в 1924 году⁹ [11, с. 8–9; 12, с. 38–39; 13, с. 40]. Ее так называемое «отпочкование» от наказания было достаточно неожиданным для всех. Точно такой же неожиданной, спонтанной оказалась и разработка данной категории в несколько более поздний период. По большому счету, именно это и обусловило процесс познания уголовной ответственности лишь до определенного предела, ограничив его установлением некоего набора тягот и лишений, место которых в системе правового регулирования так и не было определено до конца. Отсюда и то количество вопросов, на которое нет ответа сегодня, как, впрочем, и нежелание в них разбираться. Вполне естественно, что сегодня мы можем наблюдать лишь деградацию так до конца и не сформированного подхода, который окончательно перестал соответствовать требованиям современных реалий с учетом случившихся трансформаций. Итог – понятие, пронизанное догматизмом. С одной стороны, это жесткая конструкция, не выходящая за пределы уголовно-правовых отношений, с другой, с учетом отсутствия единства мнений относительно понятия уголовной ответственности, а следовательно, и ее содержания, максимально абстрактная категория¹⁰ [14, с. 47; 15, с. 22]. Абстракция, отягощенная отсутствием ее места в системе воздействия в силу размытости содержания и отсутствия конкретного перечня средств и способов принуждения, а также ее пределов – момента начала и завершения. По сути, при всей своей важности наряду с вполне практическим смыслом в настоящее время исследуемая категория оказалась неким промежуточным звеном между преступлением и наказанием, имеющими гораздо более осязаемые черты.

В связи с этим идея так называемого ухода от собственно уголовной ответственности и ее смещения в сторону уголовно-исполнительного содержания представляет не что иное, как идеологически иное отношение, казалось бы, к хорошо известному, но еще явно не в должной мере изученному явлению. В свою очередь наполняемость ответственности во многом уголовно-исполнительной составляющей наряду с пересмотром уголовно-правового блока невольно обязывает и к принципиально новому анализу тех тягот и лишений, которые в ее рамках невольно необходимо рассматривать. Другими словами, все, что так или иначе относится к уголовно-правовому блоку государственного принуждения, в данном случае приобретает особую

⁸ Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Т. 1. Общая часть. 2-е изд. ГИЗ, 1928 // Революция права. 1928. № 3. С. 138–139.

⁹ Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : Постановление ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. Москва : Госюриздат, 1956. 15 с.

¹⁰ На сегодняшний день это, пожалуй, наиболее «размытая» категория, у которой нет даже минимально устоявшегося определения. По большому счету можно утверждать, что такого понятия, как уголовная ответственность, на данный момент просто не существует нигде, что уже само по себе, с учетом ее значимости, нонсенс. Например, согласно данным, полученным В. В. Чердниченко, только 14,3 % респондентов (докторов и кандидатов юридических наук) считают, что наказание и иные меры уголовно-правового характера служат формами реализации уголовной ответственности. Причем 65,7 % полагают, что в качестве таковой может выступать только наказание, а иные меры уголовно-правового характера представляют собой альтернативу и (или) дополнение наказания и должны назначаться в тех случаях, когда применение наказания, в силу тех либо иных обстоятельств, либо невозможно, либо нецелесообразно (неэффективно).

актуальность, вынуждая нас в рамках новой концепции выстраивать новую систему средств и методов воздействия на лицо, виновное в совершении преступления.

Именно на это указывают и данные собственных эмпирических исследований, проведенных в рамках настоящей работы. Так, из 93 специалистов в области уголовного права, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права, которым был задан вопрос относительно того, каково их отношение к уголовной ответственности с позиции ее более широкого содержания, более 50 % (51 респондент) указали на очевидную устарелость представления об исследуемой категории. Практически каждый из них в отдельном разделе – «иное», позволил себе особо подчеркнуть неопределенность самой уголовной ответственности, ее пределов, содержания, а следовательно, и конкретных средств ее выражения в тексте уголовного закона и в практической деятельности¹¹.

Вполне ожидаемо, что мнение специалистов разделилось при ответе на вопрос, связанный с тем, что должно составлять содержание уголовной ответственности: уголовно-процессуальный, уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и последующий – социально-правовой блоки? И здесь не было никакой определенности, что позволило нам разделить всех участников опроса на условных пять групп, часть из которых перечислены в самом вопросе. В итоге: 32 % респондентов пришли к выводу о тройственной природе происхождения уголовной ответственности; 31 % полагают, что содержание уголовной ответственности могут составлять только уголовно-правовые и уголовно-исполнительные отношения; 18 % специалистов видят содержание уголовной ответственности исключительно в уголовном блоке; 14 % ученых отметили, что ее необходимо рассматривать максимально широко, включая социально-правовые последствия; оставшиеся 5 % полагают, что уголовная ответственность представляет собой не что иное, как юридическую фикцию, больше мешающую, нежели помогающую в практической деятельности, вносящую дисбаланс между уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительными сферами правового регулирования¹² [16, с. 77; 17, с. 13].

В любом случае проведенный опрос относительно понятия и значения исследуемой нами категории указывает, во-первых, на высочайший уровень затронутой проблемы, а во-вторых, на необходимость ее глубокой проработки на концептуальном уровне. Именно идея, положенная в основу данной категории, а не ее незначительная корректировка, способна кардинальным образом поменять само состояние тех знаний, которыми мы сегодня оперируем. Отсюда и те разногласия, которыми пронизана не только доктрина, но и вся правоохранительная деятельность.

3 заключение

В свою очередь, проведенный анализ понятия и значения категории «ответственность» позволил, в первую очередь, такую идею определить через объединение двух сфер воздействия – уголовно-правовой и уголовно-исполнительной, что дало нам все основания для формулирования в соответствии с этим понятия уголовной ответственности. Его идейное наполнение должно позволить сформировать принципиально иное отношение к сфере государственного принуждения применительно к уголовно-правовой сфере правового регулирования общественных отношений. Именно это должно составить основу самого знания о принуждении в уголовно-правовой сфере в целом, а сама ответственность послужить выражением основных идей государства, реализация которых позволит обеспечить общую и частную превенцию.

В связи с этим полагаем, что под ответственностью в уголовном и уголовно-исполнительном праве следует понимать совокупность средств и методов, регламентируемых уголовным и уголовно-исполнительным законодательством, применяемых в целях обеспечения безопасности общества и государства, к лицу, признанному судом виновным в совершении преступления, и допускающую любые формы их реализации, имеющие при этом: карательное (репрессивное), стимулирующее (поощрительное), контролирующее (ограничительное, режимное), компенсирующее (возмездное) и иное (воспитательное) содержание.

В настоящее время именно данные формы реализации ответственности (ее функции) наиболее характерны и проявляются в таких отраслях правового регулирования, как уголовное и уголовно-исполнительное право. С учетом современных тенденций, но в то же время при сохранении исторического контекста развития ответственности в российском уголовном законодательстве, ее карательная составляющая вполне сочетается с контролирующей, воспитательной и иными, изначально в данной отрасли права практически не реализуемыми функциями. Вопрос лишь в их трансформации, которая произошла под давлением внешних обстоятельств в современных условиях, а также в изменении приоритетности по отношению друг к другу.

¹¹ Анкетирование проводилось в период 2023–2025 гг. в городах Москве, Омске, Краснодаре, Сочи, Уфе.

¹² Данная точка зрения также нашла соответствующее выражение и в некоторых научных публикациях.

Список источников

1. Карпов К. Н. Систематизация «общеправовых» последствий совершения преступления как средств социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 170–177.
2. Фильченко А. П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности (проблемы отраслевого и межотраслевого согласования) : монография / под ред. А. В. Наумова. Москва : Юрлитинформ, 2014. 292 с.
3. Нечепуренко А. А. Разграничение содержания и последствий судимости // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 3–7. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2019-14001>.
4. Коробов П. В. Момент возникновения уголовной ответственности // Правоведение. 2001. № 2. С. 147–163.
5. Лукашевич В. З. Уголовно-правовое отношение и возникновение уголовной ответственности / Уголовная ответственность и ее реализация : межвузовский сборник научных статей. Куйбышев : Издательство Куйбышевского университета, 1985. С. 3–10.
6. Нечепуренко А. А. Содержание уголовной ответственности: подходы к переосмыслению и перспективы законодательного регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 1(36). С. 3–10.
7. Хикс С. Объясняя постмодернизм / пер. с англ. А. С. Шуваловой. Москва : Рипол-Классик, 2021. 320 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. Москва : Ад Маргинем Пресс, 1999. 480 с.
9. Гилинский Я. И. Девиантность и социальный контроль в мире постмодерна: краткий очерк // Общество и человек. 2015. № 3–4 (12). С. 89–99.
10. Гуринская А. Л. Позитивистская традиция и критическое направление в криминологической мысли США и Великобритании: сравнение теоретических подходов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 2. С. 101–112.
11. Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном прав. Москва : Юридическая литература, 1963. 275 с.
12. Курляндский В. И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. Москва : Юридическая литература, 1965. 142 с.
13. Загородников Н. И. О пределах уголовной ответственности // Советское государство и право. 1967. № 7. С. 39–46.
14. Чередниченко В. В. Принципы уголовного законодательства : понятие, система, проблемы законодательной регламентации / отв. ред. Н. А. Лопашенко. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 192 с.
15. Карпов К. Н. Иные меры уголовно-правового характера: система, виды : монография. Москва : Юрлитинформ, 2012. 205 с.
16. Бавсун М. В. Уголовная ответственность как юридическая фикция // Российской правосудие. 2017. № 5 (133). С. 68–78. <https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2017.5.68-78>.
17. Коробов А. Е., Хохлов Е. Б. Позитивная ответственность как теоретическая и практическая проблема // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 3 (278). С. 4–13.